

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

— Видать, опять обязательство по кроликам не выполнил!

КРОКОДИЛ

№ 16

(1594)

10 ИЮНЯ

1960

Поединок

В От что рассказал мне один человек, побывавший в этом году в Париже.

В Париже, сказал он, довелось мне беседовать с одним американским журналистом. Когда у нас речь зашла о поджигателях войны, то журналист, снисходительно улыбаясь, спросил меня:

— Нет, вы и в самом деле думаете, что в Америке есть люди, которые хотят развязать войну, чтобы набить свои карманы долларами?

Я ответил:

— Да, я совершенно уверен в этом.

Он надменно сказал:

— А я докажу вам, что это вздор и фантазия вашей антиамериканской пропаганды.

И тут, взмахнув своей словесной шпагой, он воскликнул:

— Как?! Значит, ваши сторонники мира всерьез решили, что в Америке водятся людоеды?

Не дождав моего ответа, он ринулся против меня в словесный бой. Он бросал фразу за фразой, стараясь задеть, уколоть или даже уничтожить меня потоком своих едких слов.

— Где же вы увидели таких сказочных злодеев?! — кричал он. — Откуда взяли вы, что среди нас ползают рептилии и гады, которые на потоках крови хотят устроить свое благополучие?! Сударь, человеческое общество в Америке выше и благородней, чем вы полагаете!

Он долго, пылко и кудреватого говорил на

эту тему. Его глаза сверкали и презрительно поглядывали на меня, как на пария, который имеет несчастье безрадостно взирать на окружающий мир.

Я дал моему противнику полностью высказаться. Я не перебивал его. Он сам закончил свою гневную речь и с любопытством посмотрел на меня, чтобы удостовериться:

жив ли я или, быть может, околеваю, пронзенный его словесной шпагой.

Покуривая сигарету, я сказал журналисту:

— Всякий раз, когда я читаю ваши американские газеты, я поражаюсь, как много в них говорится о грабежах и убийствах.

Сурово сдвинув свои брови, журналист воскликнул:

— Да, мы, американцы, женимся и убиваем чаще, чем другие народы. Это показывает нашу неукротимую энергию и волю к жизни.

— Это показывает еще и нечто иное, — добавил я. — Недавно в «Дейли миррор» я читал о любопытном судебном деле. Некий владелец «Бюро похоронных процессов» знакомился со своими заказчицами — старыми вдовами. Они умирали и оставляли завещания в его пользу...

Журналист нетерпеливо перебил меня:

— Да, я знаю об этом деле, но ничего любопытного в нем не усматриваю. Обычная уголовщина. Я бы даже сказал — кустарщина. Этот болван отравлял старух мышьяком. И на седьмом случае попался. Ему предъявлен иск на девяносто тысяч долларов.

— Вот видите, — сказал я, — этот доблестный господин уничтожил семь жалких старух, чтобы «выручить» девяносто тысяч. А посулите ему миллион. Ого! Он, пожалуй, не пощадит для этого пару сотен людей. Не так ли?

Мой противник промолчал, однако заерзал на стуле.

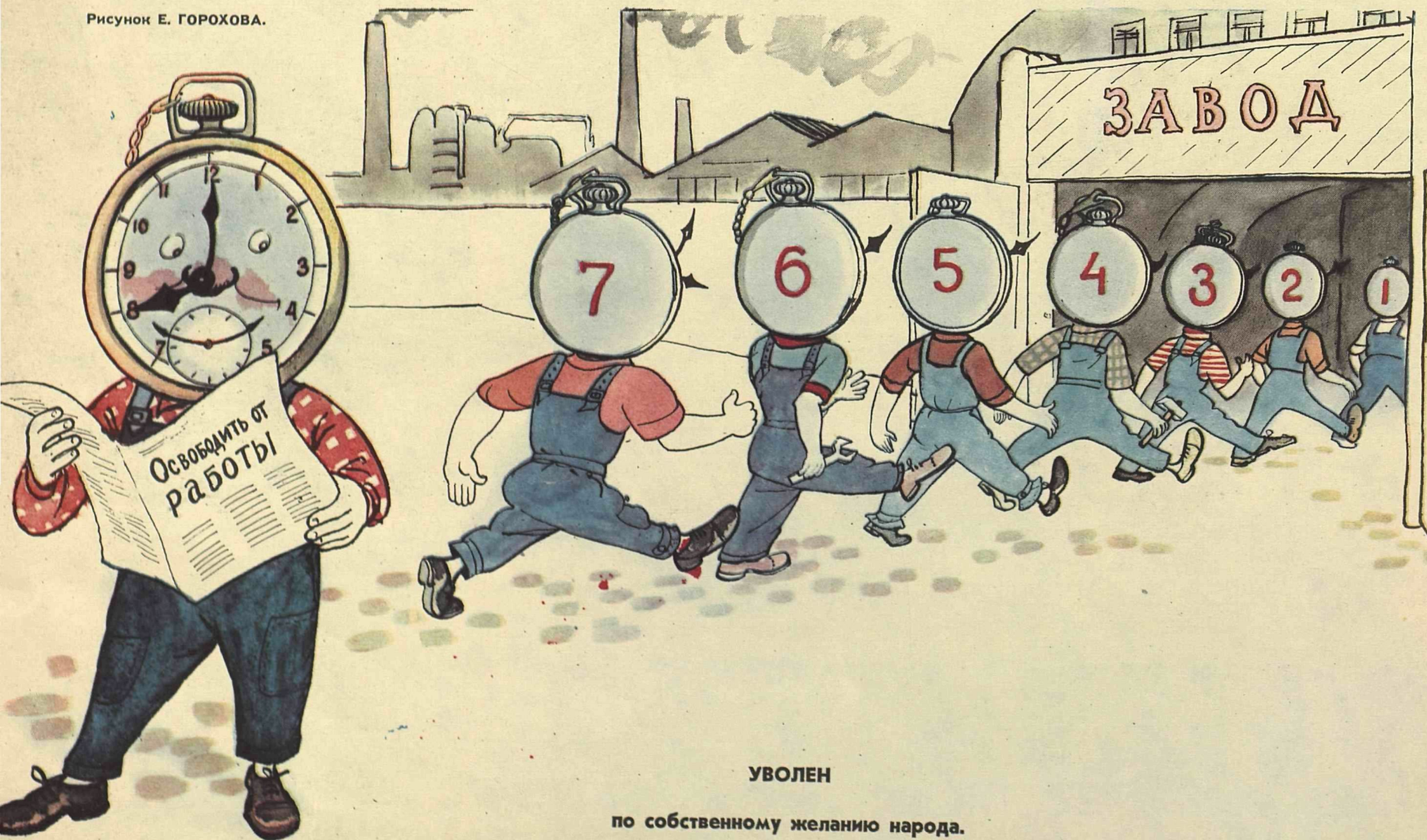
Я продолжал:

— Теперь допустим, что у этого господина, возвращенного вашей социальной системой, блеснула надежда получить миллиард. Да вы понимаете, на что он пойдет ради этой пресветлой цели?!

Журналист, усмехнувшись, едко заметил:

— Э нет, сударь, вы не проведете меня своей диалектикой! Вы говорите о преступни-

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

УВОЛЕН

по собственному желанию народа.

ках, а это отбросы человеческого общества. Они не играют решающей роли в общем оркестре нашей жизни.

— Да, мы говорим о преступниках,— подтвердил я.— Мы говорим о тех, которые не останавливаются перед убийством для того, чтобы добиться миллионов.

Мой противник пронзительно крикнул:

— У нас таких швыряют в тюрьму!

Я ответил:

— Швыряют в тюрьму тех, которые «работают» кустарно, как вы изволили сказать. Более искусные и более изворотливые остаются на свободе. Некоторые из них уже миллионеры. А иные только еще стремятся к этим пышным берегам для того, чтобы играть в вашем оркестре на первых скрипках.

Мой противник растерянно посмотрел на меня. Я продолжал:

— И вот если таким преступникам дать полную волю, то они с легким сердцем разожгут любую войну и кинут в огонь любое количество людей, чтобы добиться миллиардов.

Журналист пробормотал, потирая лоб:

— Но неужели это так?

Я сказал:

— Это несомненно так. Ведь это же, сударь, преступники, убийцы. Они не привыкли считаться с моральными категориями.

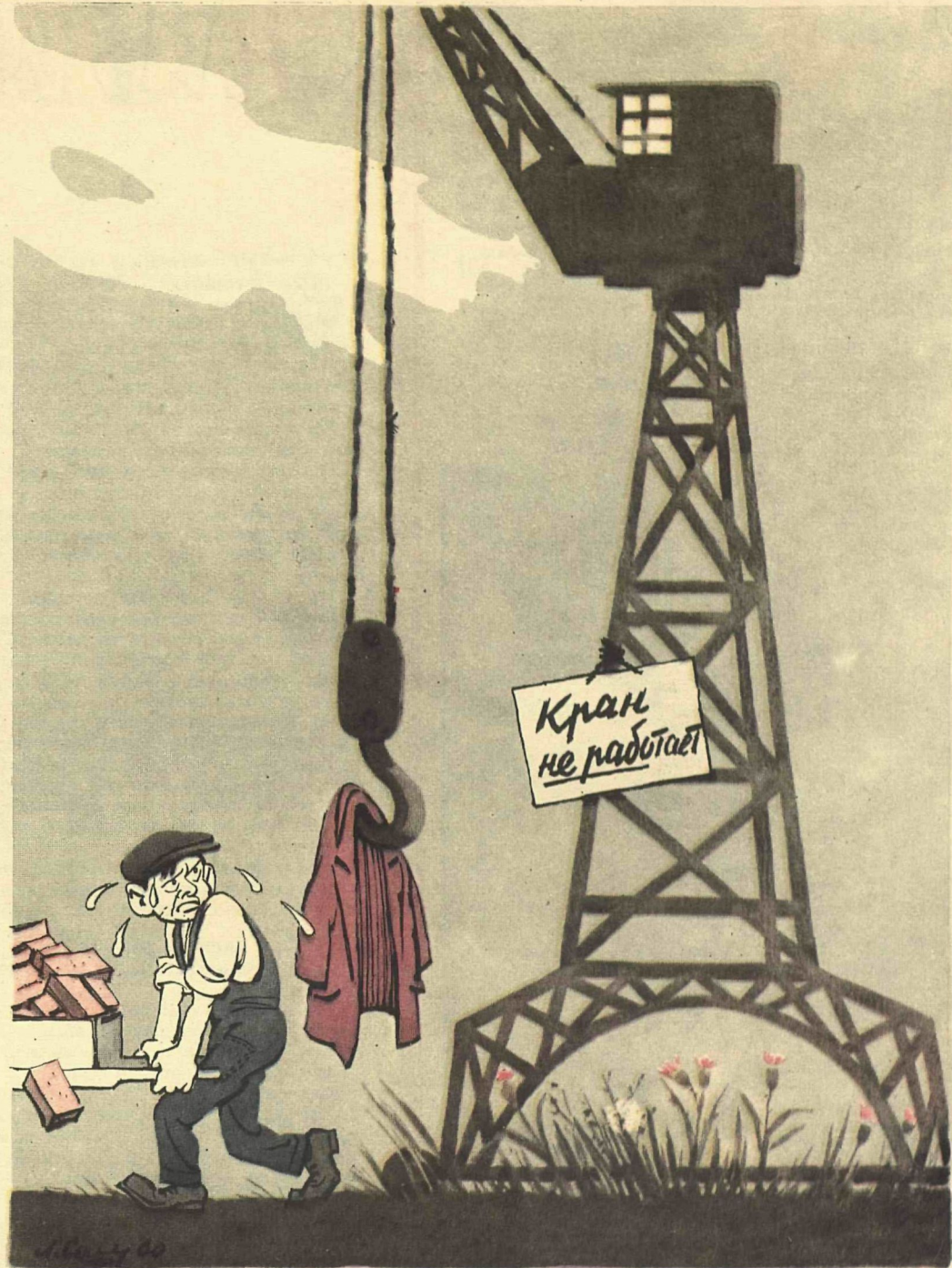
— Да, да, это, видимо, так,— снова пробормотал журналист. И я увидел, что в его глазах зажглись тусклые огоньки тревоги и страха.

Я сказал ему в утешение:

— Сударь, в Америке чудесные люди. Их огромное, подавляющее большинство. Но среди них есть и те, о которых мы говорили. Вот почему движение за сохранение мира так своевременно и необходимо. Люди доброй воли учитывают не только происки политических авантюристов, но и тайные намерения бандитов, для которых война — золотое дело. Вы согласны с этим?

Мой противник был так душевно расстроен, что ничего мне на это не ответил.

1953 г. Рассказ публикуется впервые.

Техника пригодилась.

ОТКАЛКИ И РЕПАЛКИ

ЕЩЕ РАЗ

О ЗОНТИКАХ ДЛЯ РЫБ

ПРОБЛЕМА зонтиков для рыб впервые возникла перед Крокодилом два года назад в № 7 за 1958 год, в фельетоне «Степная быль».

Отрицательный ответ на вопрос, нужны ли рыбкам зонтики, явился полным откровением для некоторых работников Министерства сельского хозяйства Казахстана. Их стараниями в совхозы республики были завезены никому не нужные машины на сотни миллионов рублей.

Напрасно директора совхозов зывали:

— Караул!!! Спасите!!!

Машины, нужные совхозам, как рыбе зонтик, продолжали поступать и тяжелым бременем ложились на совхозный бюджет.

После фельетона в Крокодиле Министерство сельского хозяйства Казахстана чистосердечно во всем покаялось и строжайшим приказом обязало начальников област-

ных сельхозуправлений выявить и перераспределить излишнюю технику между хозяйствами области. Член коллегии министерства Н. Лысенко 19 августа 1958 года заверил редакцию, что «эта работа к началу уборки урожая текущего года в областях в основном закончена».

С тех пор прошло почти два года. Дважды на целинных землях убирался урожай. Скоро наступит пора в третий раз после исторического заверения тов. Лысенко убирать урожай. Но почему-то никто не бьет в литавры. Наоборот, тревожно гудят локомобили:

— По-прежнему, как и два года назад, мы стоим без дела.

Совхозы и ремонтно-тракторные станции Карагандинской области не раз и не два писали начальнику областного управления сельского хозяйства тов. Юрочкину:

— Заберите от нас ненужные локомобили, передайте туда, где их ждут.

Так спустя два года на повест-

ку дня снова всплыла проблема: нужен ли рыбке зонтик?

Разве не как рыбке зонтик нужна совхозу «Октябрьский», Павлодарской области, льномолотилка? Ведь в этих местах лен никогда не сеялся и не сеется! Или зачем, скажите на милость, зерносовхозу имени Чехова сразу 136 навесных жаток? А между тем зерносовхоз заставили не только принять жатки, но и уплатить за них 644 тысячи рублей. Тщетно совхоз просил:

— Заберите от нас жатки! Передайте их тем, кто в них нуждается!

Так и повисли на шее совхозов и РТС сотни ценных машин.

Что ж, теперь остается ждать от министерства очередного строжайшего приказа и категорических заверений, что в распределении машин наведен полный порядок. Впрочем, если это будет такое же действительное письмо, какое прислал однажды член коллегии тов. Лысенко, то оно будет нужно как...

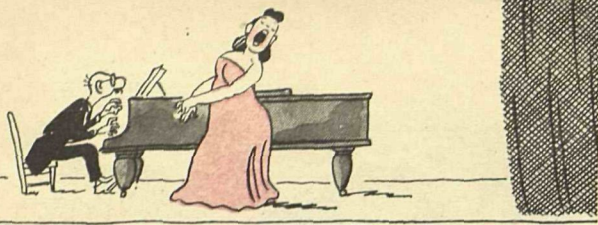
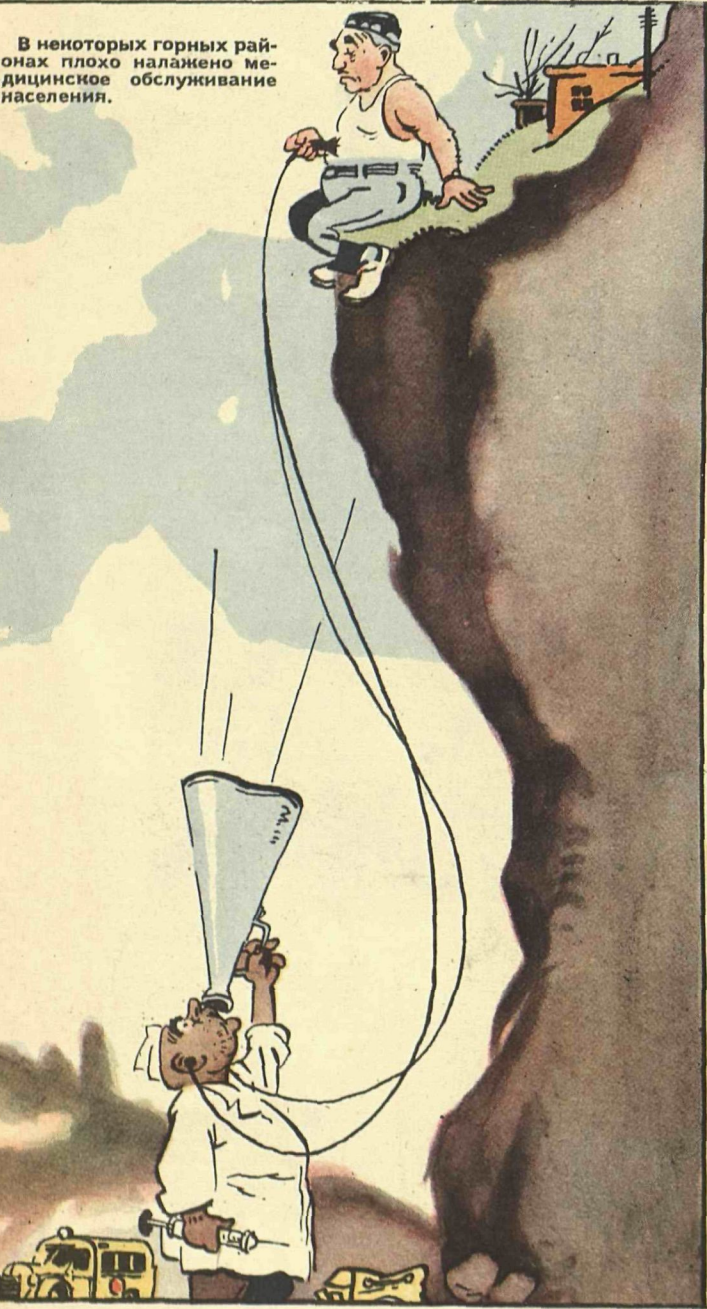

Рисунок И. АЛЕКСАНДРОВИЧА
(из украинского журнала «Перець»).

— А кто ж мене молодую та й до-
дому проведе...

Рисунок Д. СИНИЦКОГО
(из узбекского журнала «Муштум»).

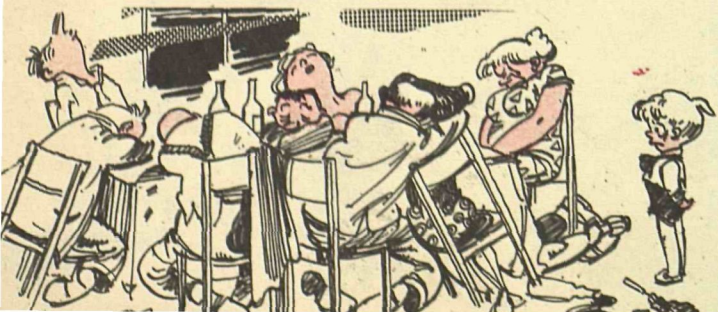
В некоторых горных рай-
онах плохо налажено ме-
дицинское обслуживание
населения.

— Сделайте глубокий вдох!..

Рисунок Э. ВАЛЬТЕРА
(из эстонского журнала «Пиккер»).

Адику исполнилось пять лет.

КНИГИ ШАГАЮТ

Рейд Крокодила

ОТ ИМЕНИ многомиллионного сельского читателя Крокодил хотел бы обратиться с сердечным и благодарственным словом к товарищу Книге.

Но Книга в этом не нуждается. Со времен первопечатников она слышала миллионы таких благодарностей.

Крокодил хотел бы пофилософствовать над десятизначными цифрами, которыми ЦСУ определяет растущий уровень производства книжной продукции. И хотел бы особо подчеркнуть, что по количеству книжной продукции на душу населения наша страна давно и прочно заняла первое место в мире.

Но и это было бы не ново.

В таком случае Крокодилу остается только перейти к существу дела. А именно — указать на некоторые характерные особенности обращения книги в сфере сельской библиотечной сети.

Это исследование носит вполне фундаментальный характер. Оно основано на опросе работников нескольких десятков сельских библиотек. Крокодил интересовался выбором книг, запросами читателей, работой библиотечных коллекторов и вообще всем тем, что волнует как сельского читателя, так и сельского библиотекаря. Объемистая папка ответов на эти вопросы и легла в основу данного трактата.

КАЖДАЯ КНИГА ИМЕЕТ НЕ ТОЛЬКО НАЧАЛО, НО И КОНЕЦ

Эта аксиома означает, что читатель рано или поздно заканчивает чтение книги. Доходит, так сказать, до последней точки.

Что же он делает дальше?

Крокодил с удивлением обнаружил, что по этому вопросу существуют две точки зрения. Общепринятое мнение состоит в том, что читатель берет в руки другую книгу. В то же время некоторые лица, опекающие сельские библиотеки, полагают, что, едва дочитав книгу, человек тотчас возвращается к ее первой странице, снова шпарит до конца — и так до бесконечности.

С этой (но только с этой!) точки зрения пополнение книжного фонда сельских библиотек является делом излишним и смехотворно нелепым. С этой точки зрения читатели Таяндинской библиотеки (Челябинская область) должны быть счастливы, что на каждого из них приходится в среднем по четыре книги. Правда, эта астрономическая цифра находится в некотором противоречии со словами библиотекаря: «Конечно, наши читатели недовольны таким книжным фондом».

Вместо того, чтобы терпеливо и мужественно приучать своих клиентов к перечитыванию одних и тех же книг, капризные библиотекари требуют от коллекторов новую литературу, не получают ее и обижаются. Вот что пишут Крокодилу из Теренкульской сельской библиотеки (той же Челябинской области): «С ноября прошлого года мы не получаем посылок из бибколлектора. Видимо, там забыли, что у нас в Теренкуле существует библиотека».

Судя по ответам на крокодильскую анкету, теоретики бесконечного перечитывания обитают также в Саратовской и Вологодской областях, в Хабаровском и Краснодарском краях... Словом, далеко не каждый сельский библиотекарь может похвастаться тем, что читатель покидает библиотеку, радостно обнявшись с новенькой книгой.

Каков же вывод?

Приучить сельского читателя к бесконечному перечитыванию одних и тех же книг — дело невозможное. Регулярно и без

излишней скаредности пополнять библиотечные фонды — дело не только возможное, но и обязательное.

НЕ ВСЯКАЯ КНИГА ИНТЕРЕСНА ВСЯКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

И эта, казалось бы, бесспорная формула имеет своих противников. Например, в лице работников сахалинского коллектора. Это они ошастливили широкого читателя Ново-Александровской библиотеки такими общедоступными и популярными изданиями, как «Фармакология и токсикация урановых соединений», «Руководство по рецептуре», «Справочник котлонадзора», «Злокачественные опухоли» и другие в том же роде.

Наверное, воображение работников коллектора особенно разыгрывается, когда они думают о «Справочнике котлонадзора». И живо представляют себе громадную очередь нетерпеливых колхозников и школьников, жаждущих поскорее насладиться заветным справочником; бурную читательскую конференцию, посвященную проблемам котлонадзора; страстные диспуты доярок и свиначок о новых проектах котельных установок; душевные беседы влюбленных о критических давлениях пара...

Впрочем, повергать в уныние сельского читателя можно не только технической, а и художественной литературой. Конечно, в принципе сельский читатель не возражает против знакомства с дансингами и смокингами, конкистадорами и миссионерами, фигурирующими на страницах переводных изданий. Но он решительно протестует против того, чтобы все эти заграничные литературные поделки заполняли полки сельских библиотек. И тут уместно процитировать несколько строк из письма работников одной сахалинской библиотеки Р. Куликовой, Г. Панженской и В. Вершининой:

«Читатель просит у нас «Поднятую целину», «Отчий дом», «Битву в пути», «Ручьи весенние», а мы вынуждены предлагать ему Токунага, Спассе, Лагерлеф и т. д. Очень хорошо, что мы получаем много переводной литературы. Но читатели-то в первую очередь требуют книг про нашего современника, про нашу жизнь... Крокодил, напомни, пожалуйста, об этом издательствам!»

Вот так-то, товарищи издатели. Вовсе не обязательно кидать на ниву сельского просвещения семена с низким процентом всхожести.

ПРОПИСНАЯ ИСТИНА

Крокодил спрашивал: довольны ли сельские читатели фондами сельскохозяйственной литературы? И получил почти единодушный ответ: «Нет».

Сельские читатели и библиотекари предлагают работникам коллекторов усвоить хотя бы два тезиса:

а) Совхоз — это не то же самое, что колхоз.

Из этого вытекает, что, например, между «Справочником председателя колхоза» (лю-

В Е Е Л О . . .

по сельским библиотекам

безно присланным в библиотеку приволжского села Верхняя Сызрань) и «Справочником директора совхоза» (не присланным туда, хотя в селе вот уже три года существует совхоз) есть разница. То же самое относится к библиотекам якутского села Хатассы, уральского села Бобровка и многим другим.

Множатся и растут совхозы. Но, к сожалению, не всегда множится и растет работа областных коллекторов о снабжении библиотек совхозной литературой.

б) Соха и мотыга не являются последним криком сельскохозяйственной техники.

Из этого следует, что далеко не вся та техника, которая была передовой, скажем, двадцать лет назад, является таковой же и сегодня. Между тем на самых видных полках многих сельских библиотек по сей день красуются выгоревшие обложки книг и брошюр, которые по нынешним темпам механизации сельского хозяйства выглядят прямо-таки ихтиозаврами, случайно забредшими в автопарк.

Говорят, что спрос рождает предложение. Увы, далеко не всегда! Давно и упорно просит Больше-Романовская сельская библиотека у своего куйбышевского коллектора литературу для механизаторов. Что же предлагают из Куйбышева в ответ на этот спрос? Например, книгу «Табак». Сей фолиант трактует о табаке — о том самом, который никогда в этом районе не сеялся.

Одним словом, можно порекомендовать каждому работнику областного коллектора: прежде чем отсылать книгу на село, вспомни, что ты отсылаешь книгу именно на село.

Мы согласны, что эта истина банальна. Что ж, тем проще ее усвоить!

Половина книги — это еще не книга

Эта истина тоже не блещет глубиной. И, однако, кое-где она еще не признана. Кое-кто еще склонен равнодушно созерцать душевные терзания читателя, который тщетно исследует библиотечные полки с тайной надеждой отыскать второй том «Войны и мира» или первый том «Емеляна Пугачева».

Работники хабаровского коллектора послали в Некрасовскую сельскую библиотеку только вторые части книги С. Муканова «Школа жизни» и В. Смирнова «Открытие мира». Таким образом, «Школа жизни» оказалась для читателя неполной, а «Открытие мира» — неоткрытым.

Читателям приволжского села Подвалье нравятся второй и третий тома сочинений Вилиса Лациса. К другим книгам этого писателя они еще не определили своего отношения по чисто технической причине: нет больше в библиотеке книг Лациса и не предвидится.

О подвигах «Великого Моурави» читатели сибирского села Межово знают кое-что из шестой и седьмой частей этой книги, имеющих героя в библиотеке. Об остальных деяниях героя они вынуждены только догадываться.

Список усеченных, обрубленных и ампутированных изданий, рассылаемых сельским библиотекам, можно было бы издать в нескольких томах. Впрочем, не исключено, что какой-нибудь лихой работник библиоколлектора тотчас учинил бы вивисекцию и над этим изданием!

Любая книга достойна хорошего хозяина

Давайте хорошенько вдумаемся в постскриптум одного из писем. Вот она, эта приписка:

«P. S. Извините, что плохо написано. В библиотеке очень холодно».

Итак, библиотекарю холодно. У него заоченели пальцы. И поэтому его почерк далек от каллиграфического.

Представим же себе, каково книгам. Не впадая в мистицизм, можно сказать, что и книги от холода страдают. Точнее, они страдают от резких колебаний температуры. И от многого другого. Им плохо, например, когда на них каплет сквозь дырявую крышу. Когда в сыром углу их разъедает плесень. Когда мыши лакомятся ими, чихая от пыли.

Книги не пишут жалоб, не ходят в райисполком. И в то же время они вопиют о милосердии.

Библиотеке села Красные Ключи, что в Куйбышевской области, на Всероссийском смотре работы культпросветучреждений было присвоено звание «Лучшая библиотека района». А библиотекарь Н. Афанасьева пишет Крокодилу: «Здание не соответствует званию». Дело в том, что эта ветхозаветная лачужка, воздвигнутая еще при династии Романовых, разваливается на глазах. Входя в библиотеку, читатели с суеверным страхом взирают на потолок, а уходя, громко восклицают: «Самообладание библиотечкаря. Такова лучшая в районе библиотека».

Впрочем, не угодно ли познакомиться и с «Лучшей библиотекой РСФСР»? Она находится в станице Казанской, Краснодарского края. Посетите при случае. Но только постарайтесь:

протискиваясь к полкам, не рассыпать штабеля книг, которым не хватило стеллажей;

отыскать книгу, которая при первом же прикосновении не рассыпалась бы от ветхости (таких в библиотеке почти половина); усевшись за стол, быть бдительным, ибо если молодой конь о четырех ногах — и тот спотыкается, что же сказать о ветхих четвероногих столах?

Как было сказано, каждая книга достойна хорошего хозяина. И это тоже характерная особенность Книги как таковой...

Разрешите на этом трактат о Книге закончить. Можно было бы, конечно, рассказать читателям о том, что сейчас у нас в десять раз больше библиотек и в семьдесят раз больше их книжный фонд, чем было в 1917 году. Что во многих селах и станицах, деревнях и поселках нашей бескрайней страны работают библиотечные советы. Что многие колхозы создали свои собственные отличные библиотеки с обширными читальными залами. Что все больше распространяется новая и хорошая форма библиотечной работы — открытый доступ к книжным полкам. И так далее.

Но Крокодил обратил внимание не столько на светлые стороны, сколько на темные. И сделал это с умыслом: чтобы тени эти побыстрее исчезли.

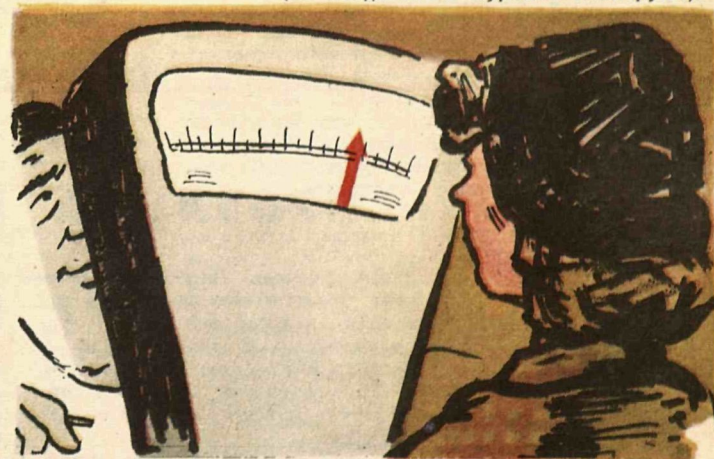

Рисунок И. КАСЧУНАСА (из литовского журнала «Шлуота»).

— Полюбуйтесь, какой обманщик! Сожрал две тонны сала и еще оправдывается!

У каждой головы свои думы

Рисунок Н. ПОЛИНГЕРА (из молдавского журнала «Нипэрэш»).

Думы покупателя.

Думы продавца.

Юные островитяне.

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

КОГДА Алексею Петровичу Махалову, заместителю директора завода по коммерческой части, стало известно об этом случае, у него от злости отвисла челюсть.

Столь сильное душевное потрясение заместителя директора было вызвано поведением сына.

Правда, Алексея Петровича больше волновали не сами действия ребенка, а их последствия: семнадцать рублей, которые предстояло уплатить домоуправлению за разбитое стекло на лестничной площадке.

И вот папаша, подогретый родительской ответственностью и тремя стопками, восседает напротив сына.

— Ну, рассказывай, — предлагает родитель, — да только все начисто.

Махалов-младший молчит. Уставясь в крышку стола, он чертит указательным пальцем какие-то круги.

— Дара речи лишился? — вопрошает папка.

Любимое чадо, еще более сжавшись, продолжает хранить молчание.

— Мне известно о твоём мерзком поведении. Ты бросил кусок каменного угля в воровья. Твоя мать мне рассказывала, что воровей почему-то улетел, а окно осталось на

месте. И каков результат? Нет стекла и нет семнадцати рублей в кармане твоего отца. Ты смотришь на это просто: дескать, промахнулся. А я как человек, имеющий ежедневное отношение к экономике, считаю твой поступок не простым мальчишеством, а разбрасыванием общественного богатства. К сожалению, я не имею под рукой материалов последней переписи населения, и мне неизвестен контингент озорников твоего возраста. Не зная этих цифр, я не могу тебе назвать общую сумму убытка, который вы причиняете государству. Но, видимо, сумма солидная.

Махалов снова вспомнил о семнадцати рублях, и рука его инстинктивно потянулась к брючному ремню. Но он сумел пересилить этот антипедагогический порыв. И продолжал:

— Это, так сказать, картина в союзном масштабе. А давай теперь вернемся к так называемой частице общества, к нашей семье. Что мы здесь видим? Ответу: семнадцать рублей, заминусованные тобой из семейного бюджета, а выражаясь грубее, украденные родным сыном у законного отца.

Махалов-старший закурил и уже хотел было перейти к заключительной части своей политической лекции, но раздался звонок, и ему пришлось подойти к телефону.

На заводе ждали указаний: что ответить железнодорожникам и санитарной инспекции, требующим немедленной уплаты штрафа в сумме трехсот сорока тысяч рублей.

— Ну, Филатов, ты совсем того... Так ведь меня и зайкой сделать можно, — произнес Махалов, вытирая пот со лба. — Я, грешным делом, подумал, что управление нас премии лишило, а ты тут с каким-то штрафом! Не такие суммы платили! И вообще штраф есть штраф; не мы его изобрели, не у нас и голова должна болеть! Переводи деньги, да только не из своей зарплаты! — И, довольный своим остроумием, добавил: — Не беспокой меня больше по таким пустякам.

Закончив телефонный разговор и видя, что сын, воспользовавшись удобным случаем, оставил его наедине с супругой, Махалов произнес с грустью:

— Молод мальчишка! Опять на улицу убежал. Причинил семье убыток больше чем на полтора червонца и в ус не дует. Не чувствует еще, как отцу каждая копейка достается... А этот Филатов тоже хорош! Тут своих неприятностей полно, а он с каким-то копеечным штрафом лезет!

ЦЕМЕНТНАЯ КАША

ЭТО произошло на строительной площадке цементного завода. Споткнувшись о горы бетона, Николай Яковлевич, директор Орловского комбината железобетонных изделий и цемента, громко чертыхнулся по адресу начальника строительства Савченко.

— Это вы меня, Николай Яковлевич? — услышал он вдруг смешливый голос и, подняв глаза, увидел улыбающегося Савченко.

— А! Вот вас-то мне и надо! — сердито сказал директор. — Когда же вы наконец достроите цементный завод? Ведь вы обещали закончить его еще в апреле прошлого года.

Савченко иронически усмехнулся.

— А вы и поверили! — сказал он. — К Маю обычно все берут обязательства, почему бы и мне было не взять?

— Ну, знаете!.. — развел руками Николай Яковлевич. — А какие даты вы имели в виду, обещая сдать завод в сентябре, октябре, декабре, феврале?

— Было бы обязательство, а даты найдутся, — ухмыльнулся Савченко.

— Но ведь завод должен был начать выпуск цемента еще в третьем квартале прошлого года, — жалобно произнес директор комбината. — Цемент — это хлеб строительства. Мы ввозим его на Орловщину из дальних краев.

Начальник строительства похлопал собеседника по плечу.

— Не надо хныкать! — покровительственно сказал он. — Успокойтесь: завод уже готов.

— Как так? — недоуменно спросил Николай Яковлевич. — На многих объектах работы хоть отбавляй. Возьмите, к примеру, ваш объединенный склад для сырья! Это пока только сырье для склада.

— А вы не обращайте внимания, дружок! — ласково сказал Савченко. — Ну что за счеты между своими людьми!

— Ах, не обращать внимания? — язвительно произнес директор. — Может, мне и на качество строительных работ не обращать внимания?

— А что качество? — невинным голосом спросил Савченко. — Помоему, построено хорошо.

— Хорошо?! — завопил Николай Яковлевич. — Вы такое наворотили, что сам черт ногу сломит.

Натыкаясь на кучи мусора, про-

валиваясь в многочисленные ямы и канавы, собеседники направились к корпусам и сооружениям цементного завода. Приблизившись к зданию тридцатиметровой высоты, директор задрал голову и издал звук, средний между смехом и рыданием.

— Вот, полюбитесь! — показал он на вершину здания. — Что это, я вас спрашиваю?

— Кальцинатор. Для обжига смеси.

— Почему же он у вас качается, будто пьяный? Того и гляди сверзится.

— Теперь уже не качается. Мы его, миленького, проволокой связали. Никуда не денется, — игриво сказал Савченко.

Николай Яковлевич возмущенно пожал плечами.

— Мазутохранилище тоже якобы построили хорошо. А оно взяло да рухнуло.

— Зато второе сохранилось.

— Сохранилось?! — с горечью воскликнул директор. — А сорок тонн мазута куда делись? Утекли! Стены — как решето. Это было не мазутохранилище, а мазутогубилице.

— Ну-ну, не расстраивайтесь! — успокаивающе сказал начальник строительства. — Как говорится, бог дал, бог и взял.

Безнадежно махнув рукой, Николай Яковлевич побрел дальше. Савченко последовал за ним. На некотором расстоянии от шести огромных башен директор остановился.

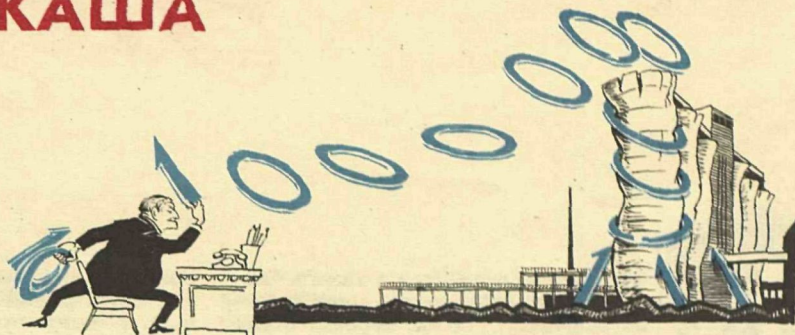
— Вы бывали в Италии? — спросил он.

— Нет. А почему это вас интересует?

— Там в городе Лизе есть знаменитая «падающая» башня. Я думал, что вы тоже решили прославиться и потому построили эту наклонную башню для хранения цемента по итальянскому образцу. С той лишь разницей, что башня в Лизе стоит уже несколько веков и не падает.

— Ах, оставьте ваши тонкие намеки! — развязно сказал Савченко. — Остальные пять башен построены более или менее вертикально. У них, правда, несколько волнистая форма, но пусть это вас не волнует. Так даже элегантнее.

— Меня волнует не форма, а суфь. На три башни придется наде-

вать спасательные пояса (см. рисунок вверху справа), иначе они могут разорваться от досады — так занижена толщина их стен.

В сушильно-помольном отделении директор комбината громким театральным шепотом спросил: — А это тоже хорошо?

Савченко, как перед фотоаппаратом, сделал веселое лицо.

— Чем плохо? Вам не нравится?

— Мне ужасно нравится, — грубоватым голосом произнес Николай Яковлевич. — Я в восторге от того, что фундаменты, перекрытия, балки, колонны сделаны из заниженной марки бетона. Я восхищен тем, что они оседают, прогибаются, разрушаются.

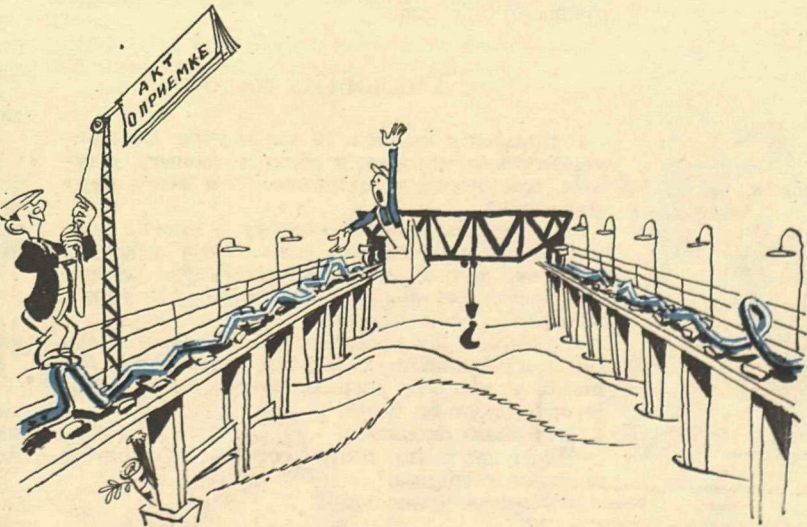

— Но я, как видите, повсюду поставил подпорки.

— Это меня радует, — саркастически процедил сквозь зубы директор. — Тем более что ваши подпорки сами нуждаются в подпорках.

Начальник строительства укоризненно покачал головой:

— Ай-ай-ай! Стоит ли переживать из-за пустяков?

— Пустяков?! — фальцетом закричал Николай Яковлевич. — По-вашему, это пустяки? Змеевидные подкрановые пути, по которым кран будет не ходить, а плясать краковьяк, — пустяки (см. рисунок внизу)? Крыши, сквозь которые можно наблюдать звезды, — пустяки (см. рисунок на первой колонке слева)? Да таких строителей за это надо... надо...

— В Совконтроль? В прокуратуру? Ой, как страшно! — с деланным испугом перебил Савченко. — Прямо поджилки трясутся!..

...Увы, Николай Яковлевич молча проглотил эту пилюлю. Он никуда ни о чем не сообщил. Не потому, что пожалел или побоялся. У него была чисто субъективная причина: не мог же директор комбината Николай Яковлевич Савченко пожаловаться на начальника строительства Николая Яковлевича Савченко.

— Но помилуйте! — спросит читатель. — Ведь единый в двух лицах Савченко действовал не в безвоздушном же пространстве! Верно, кругом были люди. Под началом Савченко-строителя подвизался старший прораб И. П. Шумилин.

Рука об руку с Савченко-строителем и с Савченко — директором комбината трудилась проектная организация «Гипрострой-материалы». Помимо всего прочего, это ей цементный завод обязан нехваткой компрессоров для сжатого воздуха, без которого завод задыхается (см. рисунок в третьей колонке).

Активно помогал и генеральный подрядчик — строительный трест № 1. При сем присутствовали и руководители совнархоза. Впрочем, не только присутствовали. Когда все плановые, сверхплановые и внеплановые сроки истекли, совнархоз быстренько создал комиссию. А комиссия составила акт... о приемке цементного завода.

Комиссия приняла в эксплуатацию с общей оценкой «удовлетворительно» цементный завод большой мощности, который до сих пор не дает ни грамма цемента.

— Ну, а как же Савченко? — спросит неискушенный читатель. — Неужели он так недалек, как начальник строительства, что подложил свинью самому себе как директору комбината?

Не волнуйтесь за него! Сдав и приняв завод, единый в двух лицах Николай Яковлевич Савченко совсем не пострадал. Он спокойно удалился с комбината «в связи с переходом на другую работу», предоставив новому директору приятную возможность расхлебывать заваренную им цементную кашу.

Я. ДЫМСКОЙ,
Ю. ЧЕРЕПАНОВ,
специальные корреспонденты
Крокодила

г. Орел.

Репортаж

Всю жизнь я работал в газете. Писал в нее, правил рукописи и типографские оттиски, верстаю страницы будущего номера и принимал его из-под вала ротационной машины.

Но сбывать изделие своих рук и рук моих товарищей — журналистов и работников типографии — мне никогда не приходилось. Это делалось где-то там — на почте, в газетном киоске. Это делал кто-то.

Теперь «кто-то» — это я.

Редакционный билет остался дома, в письменном столе, а сейчас в моем кармане документ, удостоверяющий, что я отныне рядовой работник «Союзпечати», в просторечии киоскер.

ТОРГОВЫЙ ДОМ КАК ОН ЕСТЬ

Мой киоск (теперь уже мой!) расположен на углу Ленинского и Ломоносовского проспектов столицы. Тут пролегает дорога во Внуково. Напротив киоска — первый в Союзе (и первый в мире!) магазин «Изотопы», далее — мебельный магазин, «Рояли и пианино», булочная, столовая, продовольственный... На противоположном углу «Хозяйственные товары», «Рыба», остановка трамвая, автобуса, троллейбуса. Место бойкое, что и говорить!

С некоторым трепетом вхожу в свой торговый дом. Слово «дом» употреблено здесь не случайно. Стоимость киоска — 35 тыс. рублей. Дома примерно в такую цену рекламируются многими домостроительными комбинатами: две комнаты, кухня, ванная, застекленная веранда.

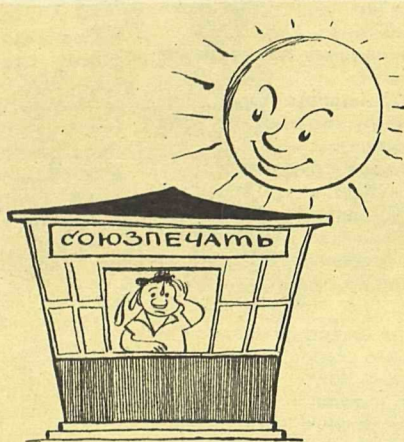
В «доме», построенном на Сокольническом вагоноремонтном заводе, таких удобств не предусмотрено. Да и зачем ванная киоскеру! Зато стекла хоть отбавляй: от самой крыши и до пола. Киоск весь пронизан светом, он просматривается насквозь с любой стороны.

Да, этот киоск дьявольски красив и... чертовски неудобен! Его пол имеет пять квадратных метров, потолок — около восьми. А не лучше ли наоборот? Но тогда была бы нарушена форма, ведь издали киоск так красив! Правда, из-за этого трудно повернуться в киоске. И трудно расположить журналы, книги, газеты так, чтобы их видел покупатель. Тумбочки, сделанные на Сокольническом заводе, очень хороши для студенческого общежития, но не здесь, в киоске. Тут нужны стеллажи, и желательно наклонные. Сейчас тумбочек не видно. На них легли длинные листы старой фанеры, и уже сверху расположилась печатная продукция.

А вот открытки. Куда их девать? На помощь

приходит рационализаторская мысль: под потолочную рейку подsunут старый кухонный нож, к нему прикреплено некое сооружение из проволоки. Когда поворачиваешься, задеваешь плечом «сооружение», оно тоже поворачивается, и покупатель может выбрать открытку по вкусу: виды Крыма, Черноморского побережья Кавказа, Карпат — словом, что захочет!

Будущему космонавту хорошо: сколько бы ни длился полет, в его кабине всегда будут сохраняться условия, необходимые для жизнедеятельности человека. Киоскеру хуже. Зимой внутри киоска температура совпадает с наружной до одной десятой градуса. А летом... Сейчас еще только весна, но в киоске уже нечем дышать. Правда, вверху, под крышей, по фронтону, просверлено двадцать отверстий диаметром в полтора сантиметра, но их назначение чисто символическое. Можно, конечно, открыть заднюю дверь, но тогда возникнет такой сквозняк, после которого сразу же выдают бюллетень с постельным режимом.

На кислородном приборе для каждого киоскера я не настаиваю, но ведь и в киоске хотелось бы иметь условия, необходимые для полезной работы человека!

Как ваше мнение на этот счет, товарищи из Главного управления по распространению печати? Ваше, например, Валерий Иванович Сажин, или ваше, Евгений Васильевич Прокофьев?

В силах ли мы при современном уровне архитектурного и строительного дела создать киоск, удобный для покупателя, продавца и в то же время красивый, чтобы радовать ваш руководящий глаз?

ЧТО ЧЕЛОВЕКУ НАДО?

Я пришел в киоск в 10 часов утра. Серафима Евсеевна, которую я должен сменить, уступает мне место у прилавка. Чем же я буду торговать?

По обязательному минимуму в киоске должно быть 27 названий газет, но я вижу на прилавке только три: «Литературную газету», «Сельскую жизнь» и «Советскую культуру», остальные уже проданы.

Журналы? Их нужно иметь 158, но в наличии нет и половины. Да, вот еще книги! Их много, и все они разные, точнее, случайные, те, что «дают на базе».

Открываю окошко.

— «От двух до пяти» есть? — спрашивает молодая женщина.

— Корнея Чуковского?

— Да.

— Такой книги у нас нет, советую заглянуть в книжный магазин.

— Спасибо, уже была в трех.

Подходит мужчина.

— Газеты есть? — и, молча окинув взглядом прилавок, отходит. Уже издали доносится его ворчание: «Никогда у вас газет не застанешь!»

Новый покупатель.

— Мне бы центральную.

Предлагаю ему «Литературную газету».

— Я же говорю, центральную, вы что, не слышите! — сердито говорит мужчина и идет к трамвайной остановке.

Забегая вперед, скажу, что распродажа двухсот пятидесяти экземпляров «Литературной газеты» и шестидесяти экземпляров «Советской культуры» закончилась к четвертому часу дня. За десять часов непрерывной торговли. Неужели вас устраивает такой срок, дорогие редакторы Сергей Сергеевич и Владимир Иванович?

Но вернемся к покупателю.

Подходит паренек лет семнадцати, на его губах едва заметный пушок.

— Дайте, пожалуйста, вот ту книжку.

Достаю: «Как подготовиться и провести беседу».

Не робей, юный агитатор, теперь, надеюсь, ты отлично выполнишь свое первое комсомольское поручение!

Еще юноша.

— Мне бы «Подвиг Рязани».

Завязываю с покупателем разговор. Да, Сережа Уваров из Рязани. Приехал проводить брата-старшину.

— Хочу подарить брату и его друзьям эту книжку, пусть не забывают, что мы там делаем, в Рязани.

Уместное напоминание! Ведь подвиги нужны не только на полях и фермах Рязани, а и здесь, на стройках Юго-Запада.

Подбегает с портфелем, набитым учебниками, студент.

— «Дейли уоркер», за любое число!

Мысль ясна: еще раз перед экзаменами пробежаться по текстам, чтобы не схватить «удочку». Но поздно, мой друг! С утра было пять экземпляров, и их продали за полчаса. Эта газета не залеживается.

Муж и жена, у нее на руках ребенок. А старший, как выясняется, дома.

— Нам бы для парня что-нибудь, во втором классе он, — говорит женщина.

Выкладываю перед супругами все наличие.

— Эта у нас есть, эта тоже, эту уже прочитал, — говорит муж. Тоненькая пачка переложена вся. Ничего не купив, супруги уходят.

Какое богатое воображение у юных граждан нашей страны, и как бедно мы его питаем!

из-за прилавка

Духовная пицца... Да разве она нужна только детям и юношеству?

Вот стоят они передо мной, советские читатели. Я вижу их пытливые, требовательные глаза. Молча пробегают они по названиям книг, по заголовкам журналов и так же молча отходят.

— Что предложить вам, товарищ?
Часто ответа нет. Лишь иногда кто-нибудь промолвит:

— Нет, мне ничего не надо...
Чувствуется, что ему надо, обязательно надо, но этого нужного, необходимого он на прилавке не видит.

Мне самому не раз приходилось писать о том, что в Советском Союзе любят читать, как нигде в мире. И вот теперь я почувствовал это особенно сильно. Как забыть покупателя с хозяйственной сумкой в руках, которого я обслуживал на следующий день, в пятницу, 27 мая? Он был одним из первых в очереди, когда весь киоск только что захлестнуло газетное половодье.

— «Правду», «Известия», «Комсомолку», «Россию», «Сельскую жизнь»...

Это был настоящий гурман. Он выговаривал названия газет с истинным наслаждением.

Ну остановись же наконец, сластена, пожалуйста стоящих в очереди! Они тоже жаждут... Но гурман не сдаётся:

— Подкиньте еще «Строительную газету», «Московскую правду», «Московский комсомолец»...

Я выложил ему целую пачку газет. Он бережно принял ее и, отходя, все время блаженно повторял:

— Вот теперь читаем, да, теперь читаем...

Как же не любить, не уважать такого читателя, как не учитывать его вкусы и запросы?

Товарищи из редакции журнала «Лен и конопля», это я к вам обращаюсь. В прошлом году в киоски было направлено 993 экземпляра вашего журнала, а вернулось непроданными 1041—104,8 процента. Отказались от журнала даже некоторые подписчики и вернули полученные номера на почту. И к вам, товарищи из журнала «Профессионально-техническое образование» (возврат 112,3 проц.), «Огнеупоры» (возврат 117,6 проц.), «Педиатрия» (118,4 проц.), «Электрические станции» (137,6 проц.).

Я бы мог продолжить эти цифры, но слишком уж печально они звучат. И не только для работников названных журналов. Ровно четвертая часть поступившего в прошлом году в киоски тиража «Октября» вернулась непроданной, а «Нового мира» и того больше.

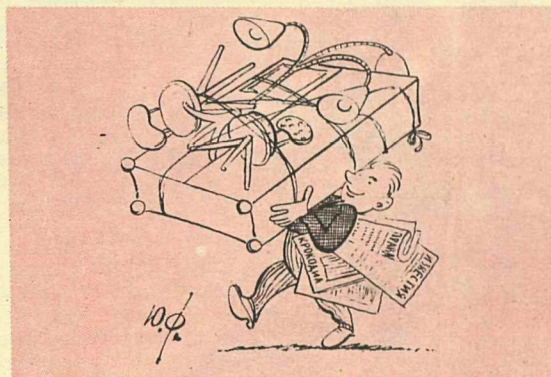
Даже... Да, даже «Огонек» стал иногда спорить... с «Огоньком». Вот у меня на прилавке лежит восемнадцатый номер, рядом девятнадцатый, двадцатый, двадцать первый, а через

два дня выйдет уже двадцать второй. Нельзя ли подбавить огоньку, товарищи из «Огонька»?

А как отнестись к тем редакциям, которые не замечают нашего быстротекущего времени? Сейчас уже май на исходе, а мы предлагаем покупателю воронежский литературный журнал «Подъем» за январь — февраль. Что-то вы стали тяжелы на подъем, уважаемые воронежцы!

НА СТАРТЕ — ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Пятница, 6.30 утра. Я иду к киоску мимо мебельного магазина. У его дверей люди, жаждущие заполучить гарнитур малогабаритной мебели и... свежий номер газеты.

Так и есть. От очереди отделяется ее полномочный представитель и спрашивает:
— Газеты еще не привезли?

Да, еще не привезли и неизвестно, когда привезут. Киоскер сидит на берегу моря и ждет... не погоды, конечно, а заветного зеленого фургона.

Ровно в семь машина появляется на противоположном углу. Бежим с Серафимой Евсеевой за «Правдой». Пачка увесистая. Начинаем продажу. Я выдаю газету, она получает деньги. Газета — два пятиалтынных, газета — двугривенный и гривенник, газета — и сдача с рубля... Мелькают лица, руки, кредитки... Темп все убыстряется, но и очередь не уменьшается, а растет. Пот льется градом, ломит спину, но нельзя сдвинуться с места... Кто сказал, что продавать газеты легко?

Но вот наконец последний экземпляр «Правды» в руках у покупателя. Смотрю на часы: триста экземпляров проданы ровно за полчаса — десять газет в минуту.

— Рекорд? — спрашиваю я.

— Рекорд, — отвечает последний счастливый обладатель «Правды», — можете себя поздравить.

Но другие покупатели настроены не так благожелательно: они остались без «Правды».

А вот и фургон-такси. Он подруливает к самому киоску. Выгружаю пачки газет и вижу вокруг себя несколько помощников, старшему из которых едва ли будет двадцать. Хитрецы! Когда я захопываю дверь киоска, то вижу всех их впереди очереди. На «законном» основании они получают по «Советскому спорту». Менее догадливый болельщик «Спартака» устраивает скандал:

— Мне тоже «Советский спорт».

— Уже кончился, было всего пять экземпляров.

— Не втирайте мне очки, я пока зрячий. Получили тридцать штук и уже под прилавком сунули?

Очередь настаживает. Назревает конфликт. И, как назло, в самом начале моей торговой карьеры! Как разрядить обстановку?

Достаю из-под прилавка накладную и передаю ее пареньку. Накладная переходит из рук в руки. В ней значится: «Советский спорт» — 5 экз.».

Юный обличитель посрамлен. Но мне его искренне жаль: ведь желание иметь любимую газету так закономерно!

У прилавка становится Серафима Евсеевна, а я решаю устроить соревнование: сколько каких газет будет продано за десять минут. На старт вызываются: Алексей Иванович Аджубей («Известия»), Борис Сергеевич Бурков («Труд»), Юрий Петрович Воронов («Комсомольская правда»), Иван Степанович Пустовалов («Советская Россия»), Виктор Васильевич Полторацкий («Литература и жизнь»), Александр Михайлович Субботин («Московская правда»), Михаил Алексеевич Борисов («Московский комсомолец»).

— Внимание, приготовились! Старт!

Шелестят газеты, звякает мелочь, но мне кажется, что я слышу где-то рядом прерывистое дыхание, вижу гаревую дорожку и чувствую бьющий в лицо бегунам ветер...

Десять минут истекли. Стоп! Объявляю результаты соревнования:

«Комсомольская правда» — 26.

«Известия» — 16.

«Советская Россия» — 14.

«Московская правда» — 8.

«Московский комсомолец» — 4.

«Труд» — 3.

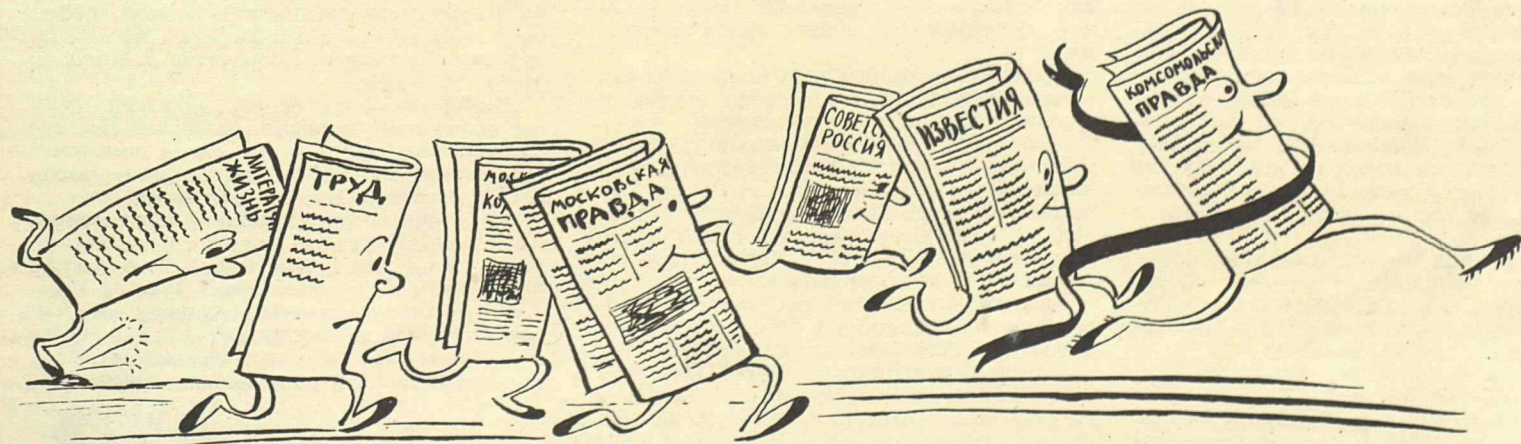
«Литература и жизнь» — 1.

Да, дорогой Виктор Васильевич, было так: вашу газету купил очень милый, очень симпатичный покупатель. Но, к сожалению, он был один. Один за десять минут.

28 мая, в субботу, я повторил «соревнование». Но его пришлось прекратить раньше времени: нам привезли: только двадцать экземпляров «Комсомольской правды», и они разошлись за семь минут. Других газет за этот срок было продано меньше.

Браво, «Комсомолка»!

(Окончание следует.)

КАРЬЕРА ОДНОГО БАКАЛЕЙЩИКА

ЛУБОКУЮ веру в бога он унаследовал от отца вместе с бакалейным магазином. Никсоны были очень религиозны. Перепродавать картошку по более дорогом, чем на рынке, ценам, не уповав при этом на бога, считалось в их семье кощунством.

И Ричард Никсон уповал.

Сначала за овощным прилавком в бакалейном магазине отца. Потом — уже во время войны — в баре, который он открыл в джунглях на одном из островов Тихого океана. Американские солдаты, прокладывая здесь дорогу, называли новый бар «Никсон-снэк-шэк» (Шалаш — закусовая Никсона). Потом...

На этом «потом» стоит остановиться.

В 1945 году калифорнийские газеты между слезными воплями о пропаже чистокровных болонок и призывами покупать смалец поместили еще одно объявление. Оно исходило от ста калифорнийских бизнесменов и гласило:

«Ищем кандидата в конгресс... Обращаться молодому человеку... с хорошим воспитанием, без политических связей или обязательств, с кое-какими идеями о благе страны в общем».

Кое-какие идеи у Никсона были. Хорошее воспитание также наличествовало. И, наконец, будучи свободным от всяких обязательств, он мог сразу принять на себя любые. Ричард Никсон подходил по всем статьям объявления. И еще по одной, которая не подлежала опубликованию; она была предъявлена Никсону «советом ста» лично, с глазу на глаз.

Когда спустя несколько лет сенатора Никсона обвинили во взяточничестве, миллионер-лесопромышленник Дана Смит, припертый фактами к стене, признал:

«После избрания Никсона в сенат мы не переставали думать о нем. Мы понимали, что его средства были совершенно недостаточны для глашатая свободного предпринимательства, стремящегося работать для своих людей. Поэтому мы собрались и взяли на себя заботу о нем. Нас было человек пятьдесят — сто, и мы собрали деньги. Мы установили лимит в пятьсот долларов на каждого человека в год, чтобы никто не мог сказать, что мы покупаем сенатора. Ну вот, со времени его избрания в сенат и до выдвижения его в вице-президенты мы дали ему что-то между шестнадцатью-семнадцатью тысячами долларов».

Смит был не точен по крайней мере в двух пунктах. Во-первых, как выяснилось, секретный «фонд помощи бедному Ричарду» составил 18 168 долларов. Во-вторых, этой суммы оказалось вполне достаточно, чтобы купить сенатора с потрохами.

Тот же лесопромышленник Дана Смит попросил Никсона помочь ему получить обратно из казны сотни тысяч долларов, давно уплаченных им в качестве налога. Никсон не мог ответить черной неблагодарностью основателю «фонда бедного Ричарда». Он помог своему благодетелю установить контакт с нужными людьми в министерстве юстиции. «С этого момента, — с удовольствием вспоминает Смит, — дело сдвинулось с мертвой точки».

Да, хотя Ричард Никсон давно уже покинул прилавок бакалейного магазина, он так и остался продавцом. Но теперь и товар, которым он торгует, и соответственно его обороты существенно изменились.

Это уже не бакалея, не овощи-фрукты, а «свободы свободного мира». Развезжая по всему миру бойким коммивояжером американского образа жизни, не стесняясь отсут-

Рисунок Е. ГУРОВА.

ствием спроса, он навязывает свои образцы даже тем, кто явно воротит от них нос.

Неважно, что товар с гнильцой, вице-президент хорошо знает древнее, как библейские заповеди, правило: «Не обманешь — не продашь».

И он обманывает. «Материальный прогресс важен, — говорит он, — но для нас прогресс без свободы — это, говоря попросту, картошка без масла». Как мальчик из папиной лавки и содержатель закусовой для солдат, Никсон знает, почему картошка и масло. Но вот цену американским «свободам» он завывает вдесятеро против реальной их стоимости. Опять явная спекуляция!

Удивительно ли, что, едва попав в Москву, продавец по званию Никсон с утра пораньше поплелся на Даниловский рынок. Он стал открывать советским людям свою широкую душу, предварительно открыв кошелек. Слышанное ли дело, чтобы за товар приплачивал продавец! А Никсон, продавец американских «свобод», для вящей убедительности совал в руку работнику рынка хрустящую сторублевку.

За рубежом Никсон прославляет отечественные «свободы», а у себя дома разговаривает с инакомыслящими языком Джо Маккарти — как-никак, они были коллегами по работе. Вместе заседали в комиссии по расследованию «антиамериканской деятельности», вместе же, на акционерных нача-

лах, во имя свободы засадили в тюрьму не один десяток человек.

Как-то Эдлай Стівенсон так охарактеризовал Никсонию — Америку будущего, какой ее хочет видеть и стремится сделать Ричард Никсон: «Никсония — это страна злословия и запугивания, хитрых намеков, клеветнических наветов, анонимных телефонных звонков и работы локтями, нажима, расталкивания, страна налетов и игры ва-банк».

Ассортимент товаров, которыми торгует Ричард Никсон, все время расширяется. Совсем недавно Никсон брякнул на прилавок собственную идею мира. Надо отдать ему справедливость: он отчетливо видит близкий мир, однако... сквозь пушечное дуло, к тому же изготовленное на средства «Бэнк оф Америка». Вот почему, говоря о мире, Никсон никогда не забывает предупредить: «Ни при каких обстоятельствах Соединенные Штаты и их союзники не должны сокращать свои вооруженные силы».

У никсоновского голубка мира под каждым крылом подвешено по водородной бомбе. Это вполне устраивает тех, кто такие бомбы изготавливает.

«Я на сто процентов за Дика Никсона», — заявил один из заправил «Бэнк оф Америка», Сидней Уйэнберг.

В процентном отношении симпатии, которые испытывают к Диксу руководители корпорации Локхид, никак не меньше. Ведь эти корпорации входят составной частью в «Бэнк оф Америка».

И Дик, как человек благодарный, не забывает проталкивать всуду, где только можно и даже где нельзя, продукцию любезной его сердцу корпорации. Недавно эта товарная продукция в виде самолета «Локхид У-2» с одобрения Никсона была послана в пределы Советского Союза. Но на этот раз операция принесла компании одни убытки. Ее изделие, как брак, списали наши ракетчики.

Дик покраснел? Ни капельки. Ему чужда краска стыда. Она красная, а Никсон не жалуется этот цвет из идеологических соображений.

Правда, выяснилось, что по его инициативе, прежде чем состоится совещание в верхах, было решено с помощью высшего самолета процупать «верха» другие... Выяснилось также, что к встрече в этих заоблачных верхах советские ракетчики подготовились лучше, чем американцы. Какие же выводы делает вице-президент?

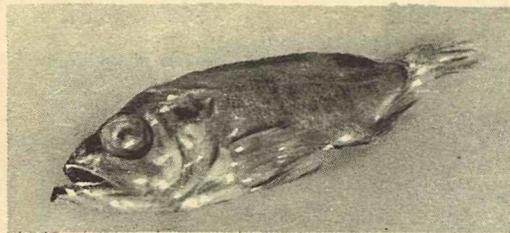
Выступая по телевидению, Никсон заявил, что «Соединенные Штаты не совершили грубой ошибки, послав Пауэрса вглубь советской территории». Что касается совещания в верхах, то Никсон, оказываясь, желал ему только добра: «Мы хотим, чтобы оно было успешным...» Уж не думал ли Никсон сделать Пауэрса своим референтом на Парижском совещании? Правда, референт по техническим причинам несколько задержался в пути. Но об этом у Никсона особое мнение.

«Выбор момента всегда неудачен, если вас поймут», — спокойно заявил он, выступая недавно, как и в дни своей политической молодости, перед «советом ста», перед сотней матерых, опытных бизнесменов.

Что ж, сентенция эта вполне относится не только к Пауэрсу, но и ко всем вдохновителям воздушного шпионажа. И среди них пойманым за руку оказался Ричард Никсон, профессиональный продавец, который вместо гнилой картошки уже давно пытается выгодно сбыть не более свежий, но более доходный товарец — «холодную войну».

Е. ПАТРИК,
О. ЯРОСЛАВЦЕВ

Sebastes или Sebastodes?

На Дальнем Востоке, в водах, омывающих Камчатку, Курильские острова и Сахалин, обнаружена невиданная и неслыханная рыба.

Явление этой рыбы цивилизованному миру было отмечено барабанной дробью телеграфных аппаратов, фейерверком заказных корреспонденций и гулом междугородных телефонных переговоров. В конце концов сама виновница треволений была доставлена на скоростном самолете в Москву. Предварительно ее подсолили. Рыба есть рыба, даже если она знаменует переворот в науке.

Внешне это чудо природы выглядит вполне традиционно. Голова. Хвост. Плавники. Чешуя. Никаких сногшибательных новинок.

— Вылитый окунь, — заявляет одна группа специалистов.

— Сущий ерш, — умозаключает другая.

«Работники Петропавловского рыбокомбината, управления Камчатрыбпрома, Центральной лаборатории Камчатрыбпрома, не говоря уже о работниках Госинспекции, считают, что указанная рыба по всем признакам соответствует окуню морскому, а не морскому ершу и полностью соответствует окуню, вылавливаемому в Мурманске» (начальник Камчатского управления Госторгинспекции В. Капун).

«Все тихоокеанские ерши... никакого отношения не имеют к мурманскому морскому окуню, относящемуся к другому роду. Таким образом, эту рыбу следует называть ершом» (директор Камчатского отделения Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО) Л. Лагунов).

В общем, перед нами рыба-хамелеон, рыба-оборотень. С правого бока как будто бы окунь, с левого — что-то вроде ерша.

Более чем полугодовая история словопрений на тему «Окунь или ерш?» отмечена только одним светлым мгновением.

Это было в солнечный мартовский день. Весело плакали сосульки. Радостно чирикали воробы. У сотрудников Всесоюзного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО) наблюдалось приподнятое, весеннее настроение. Они чувствовали прилив свежих сил. Они были преисполнены веры во всемогущество разума, способного решить любую головоломную загадку природы. Именно в этот благословенный день и о. директора ВНИРО П. Моисеев подписал проект мирного договора между «ершистами» и «окунистами» и направил его враждующим сторонам: тов. С. Ульянову в отдел по совнархозам Дальнего Востока Госплана РСФСР, тов. А. Кагановскому в ТИНРО и тов. И. Пугачеву в Главное управление Государственной инспекции по качеству товаров и торговле по РСФСР. В примирительном манускрипте было начертано:

«К семейству скорпеновых (Scorpaenidae) на Дальнем Востоке относится ряд видов рыб, входящих в род *sebastodes* и имеющих местное название «ершей»... К этому же семейству принадлежат обитающие в Баренцовом море и Северной Атлантике представители рода *sebastes* (морские окуни). Все эти виды (рода *sebastes* и *sebastodes*) являются по своим систематическим и биологическим признакам родственными формами и обладают примерно равноценными пищевыми и вкусовыми качествами».

Однако компромисс был только видимым. В манускрипте прозрачно намекалось на то, что коварная рыба все-таки больше окунь, нежели ерш. А это, разумеется, «ершистов» никак не устраивало! И они дали «окунистам» новый бой. Снова задрезбжали телефоны, застучали телеграфные аппараты, полетели депеши. А вот уже и сам директор ТИНРО К. Панин прибывает в Москву, чтобы лично принять участие в великой межведомственной баталии.

Несколько дней в кабинетах ВНИРО кипело жаркое сражение между сторонниками ерша и

приверженцами окуня. В сизом табачном дыму мелькали, словно бумеранги, латинские термины. Усердно, до последнего позвонка, перемывались все косточки безвинной рыбы. Архивная пыль клубами поднималась к потолку. Кто-то клялся Бремом, кто-то потрясал учебником зоологии, кто-то декламировал наизусть целые странички из справочника «Промысловые рыбы СССР»... Один только окунь (он же ерш) молчал как рыба. Ему нечего было сказать. Хотя как раз он-то уж наверняка должен был знать, кто он такой!

К 22 апреля стороны, изрядно притомившись на поле брани, составили и подписали совместное заключительное коммюнике.

В нем подтверждалось, что и род *sebastes* (морской окунь) и род *sebastodes* (морской ерш) входят в семейство скорпеновых (scorpaenidae). Что отличить их друг от друга так же нелегко, как, скажем калужского стрижа от вологодского. И что на этом основании...

Но вот тут-то и сказалась закаленная дальневосточная натура товарища Панина! Он сумел-таки сломить сопротивление своих московских коллег, оттеснить их на исходные рубежи, а затем и принудить к капитуляции. Судите сами:

«Однако в связи с закрепившимся в практике работы рыбной промышленности Дальнего Востока за дальневосточными представителями промысловых рыб семейства скорпеновых наименованием «морских ершей» считаем целесообразным сохранить за ними это название...»

«Ершисты» победили.

А между тем с той самой секунды, когда первая симпатичная и испуганная физиономия окуня (ерша) появилась в сетях дальневосточных рыбаков, всем ученым ихтиологам — на Камчатке и во Владивостоке, на Сахалине и в Москве — было уже ясно, какого он роду племени. И, конечно уж, вовсе не надо было по этому поводу писать друг другу многомудрые полемические послания, звенящие холодной медью латыни. Следовательно, была тут какая-то иная причина...

Да. Была.

Во всем виноваты ГОСТы.

Это они обязывают потрошить морских окуней и не обязывают потрошить морских ершей.

Не потрошить выгодно. Засолил — и грузы в трюмы рефрижераторов или в вагоны-ледники.

Потрошить невыгодно. Затраты. Хлопоты. И, главное, потрошенная рыба будет уже не так полновесна. Голова и внутренности — это почти 15 процентов общего веса рыбы. А, между прочим, существует план по валовой продукции. Причем желательно, чтобы этот план перевыполнялся. Уточним: это особо желательное руководителей «Главдальвостокрыбпрома». Ито и принадлежит честь открытия той самой лазейки в ГОСТах, через которую хлынули бесчисленные полчища непотрошенных ершей.

Если бы ГОСТ предусматривал потрошение караса, руководители «Главдальвостокрыбпрома» немедленно перекрестили бы его в порося.

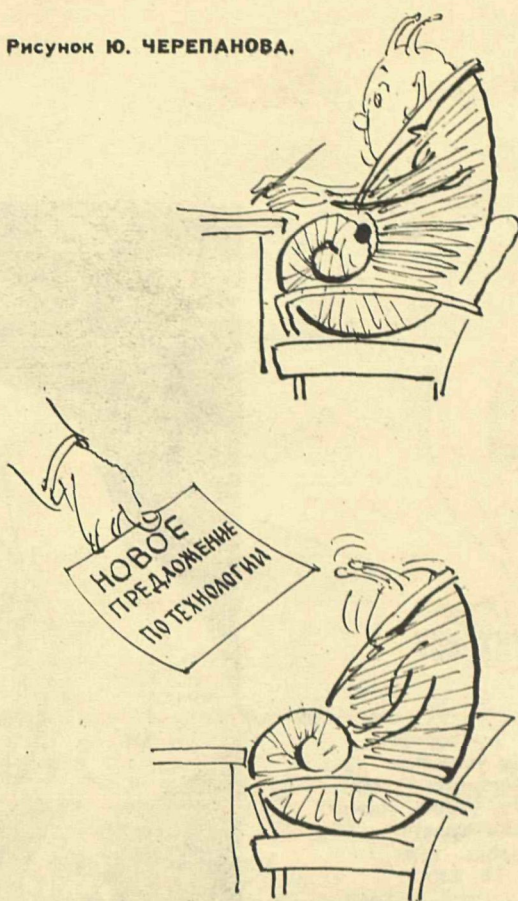
На берегах Тихого океана и Москвы-реки по сей день бурлят научные и административно-хозяйственные страсти. А пока они бурлят, непотрошенные ерши продолжают наводнять магазины. А вместе с ними десятки и сотни тонн несъедобных, бросовых рыбьих внутренностей развозятся с комфортом за тысячи километров от тихоокеанского побережья по всей стране. Потому что есть слово «sebastes» и есть слово «sebastodes». И только поэтому.

У нас возникла небольшая конструктивная идея. Мы предлагаем переименовать морского ерша в акулу. Да-да, того самого, который *sebastodes*. Пусть он называется акулой, но пусть он за это красуется на прилавках в распотрошенном виде.

Если у «Главдальвостокрыбпрома» принципиальных возражений нет, мы будем ходатайствовать, чтобы ГОСТ предусматривал обязательное потрошение акул.

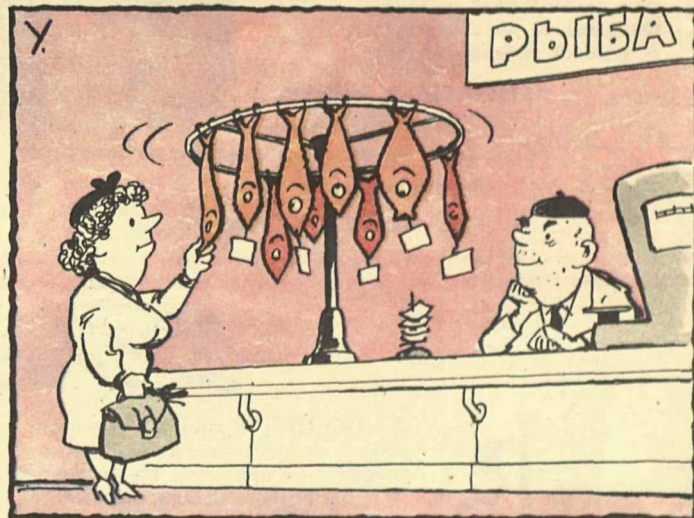
А. ВИХРЕВ

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

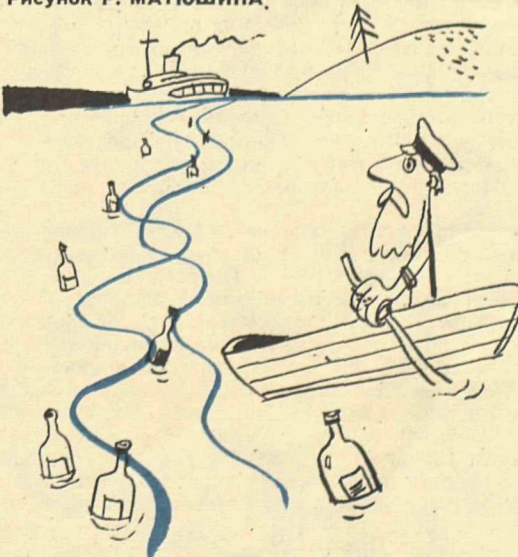
Улиткин на руководящей работе.

Рисунок М. УШАЦА.

Раньше он работал в системе «Галантерея».

Рисунок Р. МАТЮШИНА.

— Опять массовка!..

О ТЕХ,
КТО
НЕ РАБОТАЕТ,
А ЕСТЬ

Рисунок В. ГОРЯЕВА

АНТИХРИСТ

Близ ресторана в день субботний
Видали мы у подворотни,
Как иностранцу униженно
За шарф из пестрого холста
Какой-то хлюст сбывал иконы
С изображением Христа.
Приобретал иконы сэр,
Как... память об СССР.
Прости нас, атеистов, боже:
К иконам мал наш интерес,
Но мы должны заметить все же,
Что поставлявший их балбес —
Не то чтоб форменный мерзавец
Или законченный подлец...
Он даже не хриstopродавец,
А мелкий хриstopродавец!

А. КАРАСЕВ, С. РЕВЗИН

Десятый вал

ВЛАДИМИР Кузьмич Лукичев, второй штурман гидрографического судна «Горизонт», приписанного к порту Провиденция, возился со списками наличия продуктов в кладовой. Бодро насвистывая «Бури, ветры, ураганы...»

Ты не страшен, океан!», штурман мечтательно размышлял о неповторимых вкусовых качествах простой квашеной капусты, которую он не пробовал бог знает с каких пор: «Ежели ее, матушку, сдобрить постным маслом, да накрошить лучку, да подсластить... Эге, да я, кажется, становлюсь чеховской «Сиреной»! Скоро перестанем штормовать в проливе Лонга, зайдем на родную провиденскую гидробазу, тогда и капусту получим и многое другое. Заявку радист еще вчера передал».

В этот рейс штормило не один раз. Сурово Восточно-Сибирское море. А впереди не менее суровое море — Чукотское. Поэтому не один Лукичев жаждал поскорее добраться до базы.

Наконец пришли. Ошвартовались. Второй штурман со всех ног бросился на гидробазу. Увы! Пока оформили заявку да составили гарантийное письмо провиденской торговой конторы, рабочий день уже окончился. Ну, беда небольшая, завтра с утра пораньше...

Утром Владимир Кузьмич стремительно вошел в кабинет управляющего торговой конторы тов. Суркова, внеся с собой крепкий соленый аромат моря.

— Что вам надо? — нахмурился тот. — Ах, вы с заявкой!.. Нет, нет, я лично этими делами не занимаюсь! Обращайтесь к моему замести-

телю Смелянскому Где он сидит? Сейчас он нигде не сидит — лежит, поскольку всю ночь на причале проработал. Как вы думаете, имеет человек право отдохнуть после этого?

— Тогда вы сами...

— Повторю еще раз: не могу! Таков у нас порядок, и не мне, управляющему, его нарушать!

Сразу поскучневший, второй штурман покинул кабинет тов. Суркова. Осуществление сладостной грезы о квашеной капусте с лучком и сахаром отодвигалось в неопределенную даль.

Однако на следующий день — о, счастье! — встреча Лукичева с заместителем состоялась. Выслушав сетования моряка, тов. Смелянский равнодушно пожал плечами.

— Да, в отпуске продуктов у нас порядок железный. Ну, что там у вас? — Он извлек авторучку и — чирк, чирк — принялся сокращать заявку. Первой была изгнана вожделенная квашеная капуста. За нею последовали соленые огурцы, колбаса, сметана...

— Ничего, — утешался второй штурман, — кое-что все же осталось: соль, перец, горчица, лавровый лист... Скорее бы все получить!

— Да хоть сегодня, — улыбнулся главный бухгалтер конторы Сазонов. — Только вам придется сбежать в наш магазин, протаксировать заявку, то есть проставить цену против каждой позиции. Такой у нас порядок.

Владимир Лукичев устремился в магазин. Однако здесь, на земле, тоже иногда штормит, и очень чувствительно.

— Где заведующая?

— Ушла куда-то.

Тяжко вздохнув, Лукичев рысцой затрусил

по кругу: магазин — верхние склады — склады в порту — торгконтора — магазин. Как сквозь землю провалилась заведующая! Время подошло к вечеру, магазин закрылся. «Эх, медленно я бегал! — укорял себя Владимир Кузьмич. — Владимиру Куцу надо бы на нашей должности работать, он бы успел».

Утром заведующая оказалась на месте. Вскоре второй штурман летел обратно в торгконтору, победно размахивая протаксированной заявкой. Счастливая улыбка озаряла его осунувшееся лицо.

— Уже сделали? — удивились ему в конторе. — Мобильно! Однако придется сбежать еще разок. Заявка должна подписать второй экземпляр счета, который мы сейчас выпишем.

— Да черт побери!..

— Гражданин, держите себя в рамках! У нас такой порядок!

«Нет, я, кажется, сегодня побью все рекорды Куца!» — думал Лукичев, снова преодолевая дистанцию контора — магазин.

Но что это? На магазине красуется объявление: «Закрыто. Выходной день». Второй штурман в изнеможении опустился на придорожный камень.

Следующее утро. Едва Лукичев показался в торговой конторе, его встретили возгласом:

— Сегодня ничего не выйдет. Банк производит перечисления только до двенадцати, а мы только с двенадцати открываем магазин. Желем вам приятно провести время до завтра.

Но второй штурман не успел услышать это галантное пожелание: он был в полубессознательном состоянии доставлен на борт родного судна.

СВЯТЫЕ И ИХ ЦЕНА

Этот любопытный документ был найден недавно в архивах Вильнюса сотрудниками литовского журнала «Шлуота». Как видно, для починки «святых» такса в XVII веке была твердой.

«За работы, выполненные после военных разрушений по ремонту в костеле Св. Иоана, и дан счет Быстрицкому, ксендзу прихода, для расчета и оплаты:

1. За прикрепление бороды богу-отцу	4 злотых.
2. За переделку петуха св. Петру	5 злотых.
3. За позолоту кисти св. Севастьяну	1 злотый.
4. За приделку ноги св. Франциску	7 злотых.
5. За лошадь для св. Георгия	10 злотых.
6. За изготовление трех невинных дев для Св. Николы	30 злотых.
7. За приделку смычка для скрипки св. Ильдефонса	1 злотый.
8. За приделку хвоста св. Духу	22 злотых.
9. За приделку рогов св. Моисею	3 злотых.
10. За чистку св. Ядвиги	10 злотых.
11. За поделку непорочного младенца	10 злотых.
12. За позолоту дьявола у ног св. Николы	3 злотых.
13. За покрытие бронзой кисти у св. Каэтана	1 злотый.
14. За покрытие бронзой бороды у Иона Севастьяна	1 злотый.

ВСЕГО 108 злотых

Просит его милость оплатить Каетонас Иоспенга,
Дня 7 листопада,
года от рождения господня
1642»

Алексей ДЖОНУА

«Чудо»

Говорит старик старухе:
— По деревне ходят слухи:
В десяти верстах отсюда
В Очамчире бродит чудо.

Старый горец ей значенье
Растолковывает:
— Чудо
Землю и камня
Пережевывает,
В землю зубьями колотит,
Не укусит — вмиг проглотит.
А старуха с недоверьем:
— Не поверю суеверьям!
В наше время верят в слухи
Только темные старухи.

В это самое мгновение
За окном
Землетрясение:
Грохот,
Лязг,
Раскаты грома.
И огромней адомбей¹
Кто-то замер возле дома,
Занеся над крышей шею.
Пасть свою разинул кто-то
Чуть пошире,
Чем ворота.
— Кто!.. —
Старуха прямо к двери.

¹ Адомбей — горный зубр.

А старик лукаво вслед:
— Ну, теперь, старуха,
вернись

В чудеса ты
Или нет!..

Но старуха возле дома
Усмехается:
— Нам, старухам, по газете
«Чудеса» знакомы эти.
Роют землю,
Ходят с шумом —
Не лопата вам...
Удивить старуху вздумал
Экскаватором!

Перевод с абхазского
Анисима КРОНГАУЗА.

С 30 мая газета «Известия» выходит по вечерам. Это даст возможность редакции оперативно освещать события.

А. С. ПУШКИН:

— Давно стою на этом месте,
Но шевельнулся в первый раз,
Взволнован выходом «Известий»
В столь необычный, поздний час.

Эмиль КРОТКИЙ.

Рисунок Н. Лисогорского

Если вы думаете, что на этом мучения Владимира Кузьмича кончились, то глубоко ошибаетесь. Несколько дней пришлось ему еще потратить на оформление счетов. Наконец — ура, ура! — все формальности остались позади.

— Теперь, товарищ штурман, у вас осталось последнее испытание — получить продукты. Как говорится, последний, девятый вал.

— Десятый! — слабым голосом уточнил Владимир Кузьмич. — Поскольку сегодня ровно десять дней, как я оформляю заявку.

...Заведующая магазином тщательно изучала заявку. Лукичев победоносно улыбался.

— Кажется, все?

— Все, да не совсем! — жестко ответила заведующая. — У меня есть только половина продуктов, которые вам положены. Подождите денек, пока я со склада недостающие товары выйшу.

Ждать еще? О, нет! Хватит с него этих сухопутных штормов! Скорее в море, к бурям, ветрам, ураганам... Там нет этой жестокой и бессмысленной трепки нервов!

И, забрав половину продуктов, второй штурман Лукичев вернулся на судно.

Глубокой ночью, покачиваясь на койке и прислушиваясь к ударам тяжелой морской волны, Владимир Кузьмич сладостно мечтал о том счастливом времени, когда приказом министра морского флота каждому гидрографическому судну вместе с прочим инвентарем будут полагаться:

а) семимильные сапоги,
б) скатерть-самобранка (на случай, если сапоги не помогут).

Интересно, скоро ли сбудется эта хрустальная мечта?

Н. БАЖЕНОВ

Паломники.

Рисунок И. СЫЧЕВА.

АКТИВНЫХ ДРУЗЕЙ ПРИРОДЫ

В ОДИН из погожих, солнечных дней Крокодил в своем Зеленом зале устроил первое в нынешнем году заседание Клуба активных друзей природы.

Этому заседанию и посвящена наша страничка.

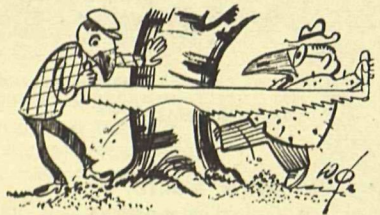
БЕСКРЫЛЫЕ «ГРАЧИ»

— Итак, дорогие друзья, — сказал Крокодил, — сегодня для разнообразия я предлагаю вам устроить литературный вечер. Начнем с викторины. Я прочту небольшой отрывок из одного классического произведения, а вы угадаете, кто автор. Итак:

— «Отец... ходил со мной в грачевую рощу и очень сердился на грачей, что они сушат верхушки берез, ломая ветви для устройства своих уродливых гнезд...»

— Стоп! — сказал член клуба Н. Ерошенко. — Это Аксаков.

— Верно, — подтвердил Крокодил. — А как вы угадали?

— Да ведь я сам со станции Аксаково, что в Башкирии. В некотором роде земляк Сергея Тимофеевича. И, кстати, хотел бы доложить об этих самых березах.

— Опять грачи безобразничают?

— Да уж не знаю, как их и назвать. Был, например, у нас директором санатория один такой «грач» по фамилии Крупин. Так он срезал под корень полсотни берез. А какие березки были! С его легкой руки и пошло. Взять хотя бы Белебеевский лесхоз. Сами посудите. Посадили рядом с тенистыми березами годовалые сосенки, как будто другого места нет. А кругом голая степь! Короче говоря, порубили все наши столетние березы. Они-де мешают сосновой поросли!

— А у нас эти «грачи», наоборот, набросились на хвойные деревья, — взяла слово В. Мячина из Москвы. — Посадили мы в свое

время во дворе нашего дома № 70/11 по Ленинскому проспекту пихты. А инженеры ЖЭК № 16 Михайлов и Курочкин распорядились в конце зимы сбрасывать снег и лед с крыши прямо на пихты. Одну сломали совсем, у остальных сбили и верхушки и сучья...

— Прошу слова! — сказала Л. Болонина из Городца, что в Горьковской области. — У нас, правда, не грачи. У нас товарищ Галкин, председатель горисполкома. Просили мы его устроить парк на месте старого сада, который был передан горсовету колхозом имени Куйбышева. А Галкин сделал, как говорится, совсем наоборот: роздал сад под земельные участки коммунальным работникам. Ну, а те и рады стараться: коммунально вырубают плодовые деревья.

— Надо укоротить крылышки этим грачам, — заметил Крокодил. — Заставим их считаться с нами, друзьями природы... Если нет возражений, хочу ознакомить вас с повестью директора Горно-Алтайского лесхоза В. Макарова и секретаря парторганизации А. Жданова. Повесть называется...

ОПЕРАЦИЯ «БАРС»

Глава первая. «Барс» оставляет следы

Шестьсот семьдесят три кедр Горно-Алтайского лесхоза злодейски искалечены. На каждом рваные отпечатки следов «Барса». Древесные раны вызывают к отмщению.

Начальник Шебалинского отделения милиции Тихонов идет от ствола к стволу по верному следу.

Глава седьмая. «Барс» обнаружен

Хищник неподвижно, но коварно притаился в сарае. И тут, в самом логове зверя, Тихонов устанавливает: на жаргоне местных

браконьеров «барсом» называется тулой обрубок бревна пяти пудов весом. От его таранных ударов по стволу с кедр безудержно валются шишки и начисто сдирается кора.

Глава тринадцатая. Особые приметы

Почерк преступника разгадан. «Барс» в руках матерого орехо-браконьера Годяева! Да свершится правосудие!

Глава двадцать первая. Первый допрос или на кого валить шишки?

Двенадцать мешков шишек непровержимой уликой свалились на испребителя кедров. Шестьсот семьдесят три свидетеля искалечены на корню. Природа ждет оперативного решения...

Глава семьдесят седьмая. Неожиданный оборот

После двадцати семи бессонных ночей и двух тысяч папирос Тихонов приходит к решению:

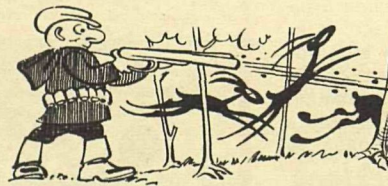
«...в результате побоев рост деревьев не прекращается... в действиях Годяева отсутствует состав преступления...»

Эпилог

Начальник Шебалинского отделения милиции авторитетно шелкает кедровые орешки. Хищные «барсы» безнаказанно выходят на новые браконьерские операции...

— Не правда ли, интересная история? — спросил Крокодил. — Но прошу не расходиться: у нас еще имеется в запасе довольно любопытный охотничий рассказ, который называется...

ВЫСТРЕЛЫ В ЛЕСУ

«Три трюмовых выстрела взбудоражили небо и землю. Потом бесшумно раздвинулись кусты, и из них вышел человек. На его согнутых руках висело ружье, за пле-

Взгляни, читатель, на эти «отредактированные» зеленые насаждения, украшающие улицы Пролетарского района города Тулы. Они бросают тень главным образом на ретивых озеленителей во главе с инженером тов. Васильевой.

чами болтался огромный ягдташ, брезентовая куртка была перепоясана патронташем.

— Чисто сработал! — торжественно прохрипел незнакомец, склонившись над трупами.

Ловко закрепив веревки на ногах двух убитых косуль и одного лося, он уже собрался было транспортировать их к себе домой...

Но тут поперек пути отважного зверобоя грозной тенью встал охотничий инспектор.

— Значит, браконьерствуем? — ядовито-спокойно сказал он. — Сейчас протокольчик составим, милиции передадим...

— Давай-давай, действуй! — насмешливо ответил браконьер. — Я и есть та самая милиция...»

— Вот и весь рассказ. Хотя он и охотничий, но вполне правдивый. Браконьером-лосятником оказался заместитель начальника Тоджинского районного отделения милиции Тувинской области Передерин. Какие будут предложения?

— Есть предложение обратиться от имени нашего клуба к покровителям этого титулованного браконьера с требованием найти на него управу, — сказал член клуба Б. Иванов.

И все поддержали это предложение.

На этом и был закончен литературный вечер Клуба активных друзей природы.

Застенографировали
А. ПАНФИЛОВ,
Г. ПОРОЖЕНКО.

Рисунок В. и Г. КАРАВАЕВЫХ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Б. СУХАРЕВСКИЙ

АНАНАСНЫЕ АССОНАНСЫ

А где поэма —
Поэмы нет.

А. Вознесенский
«Мастера».

Сено — оно сенское,
А воз — он не сенский.
Нет в нонсенсе сенса,
Я не ассессор,
Не писарь, не кесарь,
Я — Вознесенский.

Была у меня тема,
Был сюжет.
А где поэма!
Поэмы нет.
Лишь начал — и баста:
Для ассонанса
Пошел грабастать
Гробы горбастые,
Крабов крабастых,
Касторку и касты,
Кастриули и кассы,
Зубную пасту,
Зубастую паству...
Сижу в пещере карстовой.
Ни щели.

Слеп.
От своего шукачества
Совсем ослеп.
Помогли бы
вы, братцы,
Парню смысла набраться!

— А ну, товарищи, шире круг!

Рисунок А. ЖЕЛУДКОВА.

ЗАГВОЗДКА

...Хочет он купить баян,
Да цена кусается.

А. Жаров
«Тульский баян».

Где ты, мой бывлой огонь!
Где бывлая сила!
Пел девчатам про гармонь —
Дешево и мило!

Только жизнь идет по плану,
Словом, развивается.
Перешел и я к баяну,
Да баян... кусается.

Дни идут. Все в том же тоне
Я поэзии служу.
Видно, на аккордеоне
Буйну голову сложу.

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

САРАТОВСКИЕ СТРАДАНИЯ

(Николай ДОРИЗО)

Помнишь, мама, в районе Саратова
Ты велела искать жениха!
Полюбила я парня женатого,
Да женатый ушел от греха...
Ох, и грустны же ноченьки темные
На саратовской стороне!
Только выбрала я разведенного —
Разведенный вернулся к жене...
Приглянулся мне командированный,
И любил он меня и лобзал...
Но попался, подлец, тренированный —
Той же ночью удрал на вокзал.
Ох, тяжка ты, любовь криминальная!
Ох, как девичье сердце болит!
Полюбила бы парня нормального,
Да злодей Доризо не велит...

Без слов.

ЗАДАЧА С СОРОКА НЕИЗВЕСТНЫМИ

Дорогой Крокодил!
Помоги нам, пожалуйста, решить задачу, которую нам предложили работники мебельно-лыжного комбината города Сортавала.

Условия этой задачи таковы.
Купили мы в магазине станции Полегаево 40 стульев первого сорта производства комбината по цене 53 рубля 50 копеек за штуку.

Но не спеши, Крокодил, хвататься за авторучку, чтобы подсчитать, сколько уплачено за стулья: это мы и сами знаем. Твоя помощь потребуется дальше.

Стулья мы поставили в красный уголок. Началось здесь совещание. Однако через полчаса оно было прервано: десять стульев,

печально крикнув, протянули ножки. Оказалось, что при сборке мебели сортавальские мастера «забыли» применить клей, а гвозди вколотили как попало.

А теперь ответь на вопрос: на сколько совещаний хватит нам оставшихся тридцати стульев?

Впрочем, можешь не ломать себе голову. На эти шаткие сооружения сейчас никто не садится, они стоят в нашем красном уголке только «для мебели». А для чего стоят, как ты думаешь, контролеры на сортавальском комбинате? Вот на этот вопрос нашей задачи ответить будет трудно.

Коллектив 6-й дистанции пути станции Полегаево 1-е Южно-Уральской железной дороги

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

ГОД ИЗДАНИЯ 39-й.

Издательство «Правда».

Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

А 05660. Изд. № 626. Подписано к печати 30/V 1960 г.

Формат бум. 70×108%. Тираж 1 400 000 экз.

Заказ № 1549.

1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

1953 г. м.

НА ЦИРКОВОЙ АРЕНЕ

(ВЫПУСКНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ В УЧИЛИЩЕ ЦИРКОВОГО ИСКУССТВА)

— Подожди! Я посмотрю по шпаргалке, что делать дальше.

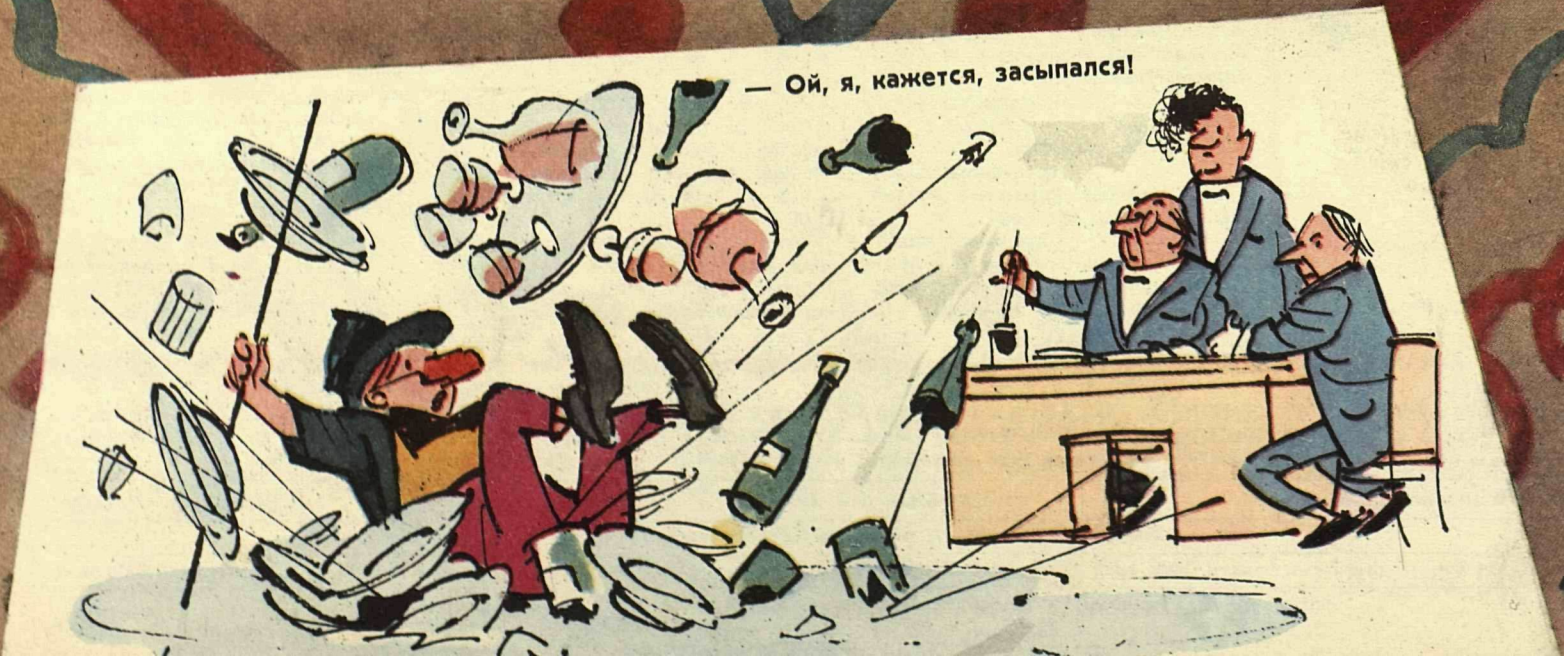
Всероссийская
Книжная палата
Обязат. экземпль.
1960 г.

— Вашу зачетную книжку!

— Положите на стол! Отметку поставим завтра!

— Ой, я, кажется, засыпался!